

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Алимов Т.Э. Функционально-семантическая характеристика личных эвфемизмов узбекского языка сквозь призму русской и английской культур // Филология: научные исследования. 2024. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72019 EDN: PAGFTY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72019

Функционально-семантическая характеристика личных эвфемизмов узбекского языка сквозь призму русской и английской культур

Алимов Тимур Эрмекович

аспирант, кафедра иностранных языков, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ alimovcom@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2024.11.72019

EDN:

PAGFTY

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2024

Аннотация: Предметом исследования стали эвфемистические коды современного русского, узбекского и английского языков, отобранные методом сплошной выборки из разнообразных источников, включая современные толковые, специализированные и лингвострановедческие словари, а также аутентичные тексты художественной литературы и публицистики. Общее количество примеров составило более 1234 единиц, из которых 399 относятся к русскому языку, 435 – к узбекскому и 400 – к английскому, что обеспечило возможность провести подробный анализ и сформулировать достоверные выводы. Цель исследования – выявление и анализ функционально-семантических характеристик личных эвфемистических кодов узбекского языка через призму сопоставления с русской и английской культурами. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится сравнительное исследование, фокусирующееся на функционально-семантических аспектах эвфемистических единиц в контексте лингвокультурологической парадигмы. Основное внимание уделяется анализу способов замещения негативных коннотаций, связанных с личными характеристиками

(возраст, смерть, и номинативное поле «толстый»), и выявлению культурных факторов, влияющих на формирование и использование эвфемистических единиц узбекского языка на фоне русской и английской культур. Впервые проводится количественный анализ функционально-семантических групп личных эвфемизмов в сопоставительном аспекте, на основе чего делается вывод, что национально-культурные особенности жизни стран носителей русского, английского и узбекского языков и особенности их менталитета лежат в основе эвфемистической номинации личной темы. Результаты исследования выявили уникальные культурные особенности в формировании и использовании эвфемистических единиц. Количественный анализ показал, что в узбекском языке наибольший процент эвфемистических кодов относится к сфере смерти, что значительно выше, чем в русском и английском языках. Эвфемистические единицы, связанные со старостью, также различаются: узбекский язык демонстрирует более высокий показатель по сравнению с русским и английским языками. Напротив, эвфемистические выражения, касающиеся негативной коннотации «толстый», более распространены в английском и русском языках, по сравнению с узбекским.

Ключевые слова:

евфемистический код, межкультурная коммуникация, национальная культура, лингвокультурологическая парадигма, функционально-семантическая классификация, вторичная номинация, концепт, семантический компонент, номинативное поле, узбекский язык

Введение

Изменение фокуса современной филологии на практические аспекты языкового общения приводит к пересмотру исследований эвфемизмов. Структурные, семантические и прагматические особенности эвфемизмов изучаются в новых контекстах, что позволяет разрабатывать более точную и практически применимую классификацию эвфемизмов. Разнообразие подходов к определению «эвфемизма» свидетельствует о сложности этого понятия и отсутствии единой теоретической основы в лингвистике и смежных областях. Это связано с многогранностью и сложностью данного явления, поскольку эвфемизм охватывает различные аспекты языка, культуры и общества. Эвфемистические единицы - сложное и многогранное явление в системе языка. В литературе по эвфемии наблюдается значительная вариативность в толковании некоторых ее характеристик, что связано с многогранностью исследуемого феномена и различием методологических подходов, влияющих на формирование эвфемизмов. Дифференциальные признаки в интерпретациях обусловлены сложностью природы эвфемистических кодов, их культурной и социальной обусловленностью, а также различиями в восприятии и использовании эвфемистических выражений в зависимости от контекста. Классическая лингвистическая парадигма определяет эвфемизмы, как языковые средства, используемые для замены слов или выражений, которые могут считаться грубыми, оскорбительными, табуированными или неуместными в определённом контексте. Цель эвфемизмов — смягчить выражение, сделать его более приемлемым и нейтральным, сохраняя при этом суть или смысл высказывания. Эвфемизмы традиционно рассматриваются как средство социальной и культурной адаптации языка, позволяющее говорить о сложных, деликатных или неприятных темах более корректно и вежливо [1, с. 527]. Данное определение эвфемизма демонстрирует функциональную эффективность субSTITUTIONного подхода, который позволяет систематизировать и анализировать

языковые явления, связанные с заменой. Этот подход подчеркивает, что эвфемизмы функционируют как альтернативные выражения, которые позволяют обходить социальные, культурные или моральные ограничения, наложенные на прямое использование определённых слов или фраз в обществе. Замена грубых, табуированных или неподходящих выражений более мягкими формами помогает сохранить социальные нормы и обеспечить приемлемое общение. При использовании эвфемизма происходит замена формы, но не смысла. СубSTITУЦИОННЫЙ аспект исследования эвфемистических единиц предполагает, что смысл или содержание высказывания остаётся тем же, но подбирается такое выражение, которое вызывает меньше негативных ассоциаций и эмоционального дискомфорта у собеседника. В рамках данного подхода эвфемизмы рассматриваются как способ адаптации речи к требованиям социальных норм и культурных стандартов. Это позволяет говорящему избегать нарушений этикета и сохранять вежливость, особенно при обсуждении деликатных или табуированных тем (например, смерть, болезни, сексуальные вопросы и т.д.). При том, что в целом, характеризуясь многоцелевыми мотивационными детерминантами (что свойственно всем языкам), каждый отдельный язык отражает культурно-национальные особенности (языковые и культурные универсалии), свойственные той или иной общности или этносу, реализуя индивидуальный запрос [8, с. 74]. Следовательно, эвфемизация – «это феномен, где переплетаются языковые свойства с когнитивными, социальными и творческими аспектами» [6, с. 37]. Она не является просто языковым процессом замены одного слова другим, она отражает сложную систему взаимодействий между мышлением, культурными нормами и социальными установками. Это делает её многогранным и многоуровневым явлением, в котором язык используется не только как средство общения, но и как инструмент управления восприятием и интерпретацией реальности.

В рамках данного исследования эвфемизмы рассматриваются среди разнообразных языковых явлений, используемых для обозначения различных объектов действительности, к которым они относятся не прямо, а косвенно, и понимаются как знаки косвенной номинации, предназначенные для кодирования определенных предметов, явлений, событий, или действий для различных целей (по характеристике знаков) [13, с. 131].

Особенностью эвфемизмов является то, что в основе их образования лежит принцип вторичной номинации. Этот принцип предполагает, что уже существующее явление, предмет или действие получают новое обозначение, отличное от прямого или первоначального. Принцип вторичной номинации подразумевает создание косвенного обозначения, которое заменяет прямую номинацию. Это может происходить через использование метафор, перифраз, сравнений или описательных выражений. Выражения **Нобуд бўлмоқ** (скончаться) вместо **ўлмоқ** (умереть) является примером эвфемистического кода, где вторичная номинация скрывает физиологический аспект. В основе каждого эвфемизма сохраняется первичный концепт или основное значение, которое остается неизменным. Эвфемизм лишь облекает это значение в другую форму, делая его более мягким, косвенным или культурно приемлемым. Например, в выражении **вафот этмоқ** (погибнуть) сохраняется концепт смерти, но сам термин заменяется на менее резкое и более уважительное обозначение. Такой подход позволяет рассмотреть эвфемизмы как динамические языковые явления, которые адаптируются к культурным и социальным изменениям, оставаясь при этом связанными с изначальной сущностью обозначаемого. Эвфемистические выражения обладают гибкостью и изменчивостью, что делает их важным инструментом в языке, позволяющим реагировать на перемены в обществе и отражать актуальные культурные и социальные нормы. СубSTITУЦИОННЫЙ

подход предполагает, что эвфемизм возникает в результате замены исходного концепта новым номинативным средством, которое получает новую функцию наречения, как это отмечает В.Н. Телия [9, с. 129], представляя собой часть общего способа отражения действительности для носителей языка, интегрируясь в систему культурных, социальных и когнитивных представлений, характерных для конкретного языкового сообщества. Они не только выполняют функцию смягчения или завуалирования значений, но и отражают то, как носители языка воспринимают, интерпретируют и структурируют окружающий мир.

Наш подход предполагает, что анализ концептуальных оснований семантики эвфемизмов позволит выявить специфику их функционирования, что, в свою очередь, станет ключевым критерием для оценки эвфемии. Сопоставление личных эвфемизмов узбекского языка с аналогичными явлениями в русской и английской культурах даёт возможность выявить как общие черты, так и уникальные особенности, связанные с культурными и социальными нормами каждой из изучаемых культур.

Методология нашего исследования, опирающаяся на работы Анны Вежбицкой, указывает на глубокую связь между языком и культурой, а также на значимость культурной семантики в анализе эвфемистических единиц. Это позволяет рассматривать эвфемистические выражения не только как языковые единицы, но и как отражение культурных ценностей и мировоззрения, что особенно актуально в исследованиях между языком и культурой. Во-первых, в рамках лингвокультурологического подхода значение рассматривается как главная ценность языка, так как оно отражает не только информацию, но и культурные, социальные и психологические аспекты, характерные для носителей языка. Значение становится связующим звеном между языком и культурой, позволяя языковым единицам передавать не только смысл, но и культурные установки, табу и ценности [12, с. 8]. Во-вторых, «слово выступает в роли основного ключа к декодированию культурных значений и норм» [16, с. 34]. В-третьих, «слово является показателем множества кодов, которые следует и могут быть декодированы с использованием лингвистических инструментов, существующих в текущей практике» [12, с. 2]. В-четвертых, «каждый язык включает слова, которые представляют собой носители культурного богатства и обладают статусом ключевых терминов культуры» [16, с. 37]. В-пятых, «значение слова может быть интерпретировано» [11]. В-шестых, «семантический компонент заключает в себе информацию, относящуюся к культурному пласту того или иного сообщества» [17, с. 64]. В заключение, «для всестороннего восприятия культурной семантики слова» необходимо провести параллели с культурно-историческим универсумом в ходе интерпретации» [16, с. 40].

Результаты исследования

В результате анализа корпуса эвфемистических наименований личной области, полученного путем сплошной выборки из разнообразных источников, включая современные толковые, специализированные и лингвострановедческие словари, а также аутентичные тексты художественной литературы и публицистики было проанализировано 3000 примеров и выделено для настоящего исследования 1234 эвфемистические единицы, из них (см. диаграмма 1):

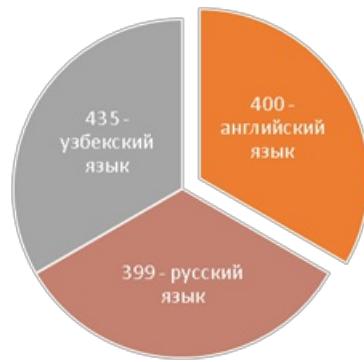

Диаграмма 1. Количество выявленных эвфемистических номинаций в узбекском, русском и английском языках

Это обеспечило возможность провести подробный анализ, сформулировать достоверные выводы, и выделить следующие три функционально-семантических групп личных эвфемизмов (см. диаграмма 2.): 1) сфера смерти; 2) эвфемистическая группа номинаций толстый; 3) эвфемистические единицы, заменяющие негативные коннотации старость. Проведенное исследование выявляет уникальные (культурно-обусловленные и лингвоспецифические) внутриноминативные области, которые представляют собой специфические концептуальные и семантические зоны внутри лексических единиц. Эти области отражают особенности номинации и эвфемизации, характерные для определённой культуры, и включают в себя культурные коннотации, эмоциональные оттенки и контекстуальные значения.

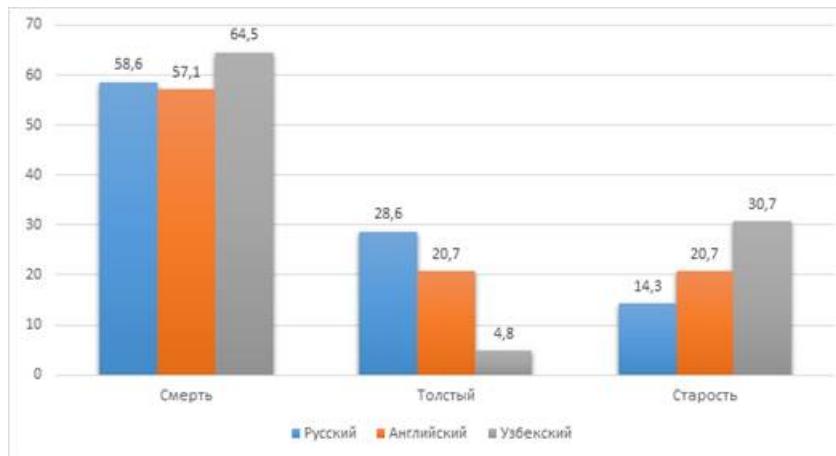

Диаграмма 2. Функционально семантическая классификация личных эвфемизмов и их количественное соотношение в сопоставляемых языках

Сравнительный анализ выявил, что в узбекском языке наибольший процент эвфемизмов относится к сфере смерти, составляя 64,5% (300 эвфемистических единиц), что значительно превышает показатели в русском языке (58,6% или 198 единиц) и английском языке (57,1% или 200 лингвистических знаков). Это свидетельствует о более выраженном стремлении узбекской культуры смягчать упоминания о смерти по сравнению с русскими и англоязычными представителями. С точки зрения культуры, в восточной философии, особенно в исламе, которая верит в единобожие, жизнь после смерти понимается как достижение вечного удовольствия и счастья. Существует поверье, что, покинув бренный мир, человек может жить на том свете в постоянном комфорте [4, с. 77]. По этой причине в узбекских религиозных текстах встречается множество эвфемистических выражений концепции смерти, основанной на данном

постулате. Например, **боқий дунёга кетмоқ** (уйти в вечный мир), **ҳақиқий ҳаётга йүл олмоқ** (отправился в истинный путь), **ёлғон дунё мушкулларидан қутулмоқ** (покинул бренний мир), **абадий фароғатта эришмоқ** (ушел в вечное наслаждение). В семантике этих предложений обнаруживается, с одной стороны, причина смерти и даже её цель, и с другой, смерть как сила, независимая от человека. Во-первых, люди рождаются для того, чтобы умереть, во-вторых, смерть согласно исламским представлениям – это счастье, награда. Рассматриваемые эвфемизмы-предложения раскрывают понятие смерти через такой параметр, как постижение счастья, обретение благодати: **ўлим – олий масъудлик** (смерть есть высокая благодать), **масъудлик онини – ўлим саодати** (момент счастья – блаженство смерти), **ўлим – бу дунёнинг энг улуғ мукофоти** (смерть – высшая награда в мире). Речь идет о неизбежном наступлении смерти с чем нужно смириться. Данные эвфемистические предложения призваны успокоить человека, помочь ему смириться с расставанием с бесценной жизнью. Эвфемистические экспликации **тақдирдан қочиб қутула олмайслик** (от судьбы не убежать), **тақдирда бор экан** (предначертано судьбой), **тақдирда йозилган бўлмоқ** (случиться тому, что написано судьбой) можно рассматривать в двух планах: в смысловом аспекте представляется как нечто неизбежное, если же рассматривать предложение в аспекте когнитивной лингвистики, то возникает зримый образ смерти. Судьба в данной единице представляется как некая стихия, лишающая человека жизни, от которой невозможно скрыться, убежать. Таким образом, возникает концепт **тақдир** (судьба), т.е. совокупность представлений и ассоциаций, в которых совмещаются чувственные и рациональные элементы. Основное значение рассматриваемых эвфемизмов-предложений смерть – высшая благодать, смерть – неизбежность.

Русская культура во многом формировалась под влиянием православия, которое оказывает значительное влияние на восприятие смерти. В православной традиции смерть рассматривается не как окончательное прекращение существования, а как переход души в вечную жизнь. Это убеждение придает смерти особый смысл и утешение для живых. Смерть описывается как **уход на тот свет, переход в иной мир**, что подчеркивает представление о смерти как о путешествии или переходе. Уйти из жизни, уйти от нас, покинуть мир/нас – выражения представляют смерть как процесс ухода или отдаления, которые часто воспринимается как переход в иной мир или другое состояние бытия. Использование глаголов движения подчеркивает идею путешествия или перемещения души.

Используются выражения **погрузиться в вечный сон, уснуть последним сном**, где смерть приравнивается к состоянию сна. Выражения **найти вечный покой, обрести успокоение** отражают идею о смерти как о достижении окончательного мира и покоя. Смерть обозначается через метафорические выражения, которые переносят значение с одного понятия на другое по сходству признаков. Например, **испустить дух, душа отлетела**. Смерть наделяется человеческими чертами или качествами, что проявляется в выражениях **хладная коса, безносая, костлявая**. Эти образы часто связаны с традиционными представлениями о смерти в виде скелета с косой. Эвфемизмы **небо забрало, небеса забрали**, отражают веру в то, что душа покойного отправляется на небеса или в иное, лучшее место. В русской культуре небо часто ассоциируется с раем, высшими силами и загробной жизнью.

Таким образом, уникальные черты русской культуры, скрывающие номинацию «смерть», заключаются в глубоких философских и духовных подходах к этому явлению, отраженных в языке. Эвфемизмы служат не только средством смягчения психологического воздействия темы смерти, но и способом выразитьуважение, память и

веру в продолжение пути души. Они позволяют говорить о смерти с деликатностью, сохраняя богатство и образность русского языка, и отражают национальный характер, в котором сочетаются эмоциональность, духовность и глубокое понимание жизненного пути.

В английском языке насчитывается около 200 названий смерти, процесса умирания и погребения, используемых во всех областях человеческой деятельности. Это отражает глубокий интерес и внимание к теме смерти в английской культуре. В отличие от русского и узбекского языков, где существует множество пословиц и поговорок о смерти, в английском языке таких паремий меньше. Несмотря на снижение роли религии в современном западном обществе, в английском языке сохранилось множество выражений, отражающих протестантские представления о смерти. Например, **afterlife** (жизнь после смерти), **everlasting life** (вечная жизнь), **to meet your Maker** (встретиться с Создателем). Многие выражения подчеркивают, что смерть — это не конец, а переход в иной, лучший мир или возвращение домой: **to go home** (уйти домой), **better place** (лучшее место), **to be gathered to your fathers** (быть призванным к предкам).

Широко употребляются глаголы *go*, *leave*, *pass*, отражающие идею движения или перехода: **to pass away** (скончаться), **to cross the River Jordan** (перейти реку Иордан), **to depart this life** (покинуть эту жизнь). Смерть воспринимается как завершение жизненного пути: **end of the road** (конец пути), **to call it a day** (закончить на этом). Используются выражения, в которых смерть представляется как вечный сон или покой: **asleep** (уснуть), **at rest** (в покое), **to put to rest** (упокоить).

В английском языке множество жаргонных выражений, связанных со смертью, которые используют юмор или гротеск для смягчения страха перед смертью: **to kick the bucket** (отбросить коньки), **to bite the dust** (пасть замертво), **pushing up the daisies** (отправиться на тот свет). Как морская держава, Великобритания имеет множество выражений, связанных с морем и флотом: **to go aloft** (уйти наверх), **to sleep in Davey Jones' locker** (спать в сундуке Дэви Джонса, то есть быть похороненным в море). Некоторые идиомы отражают рациональный и практический подход к смерти: **to pay the final debt** (заплатить последний долг), **written out of the script** (списанный, исключенный). Были обнаружены выражения, где смерть ассоциируется с погребением и природой: **under the daisies** (под маргаритками), **to push up the daisies** (выталкивать маргаритки, то есть быть похороненным).

Таким образом, в английской культуре смерть воспринимается как естественное завершение жизненного пути, что отражено в многочисленных выражениях, описывающих ее как переход, путь или возвращение домой. Она демонстрирует практический взгляд на смерть, рассматривая ее как неизбежную часть жизни, что отражается в использовании деловых и канцелярских выражений. Несмотря на секуляризацию общества, религиозные представления о смерти продолжают оказывать влияние на язык и культуру, дополняясь светскими и юмористическими подходами. Черный юмор и метафорические выражения помогают преодолеть страх перед смертью, делая тему более приемлемой для обсуждения.

Эвфемизмы, связанные с темой старости, также демонстрируют корреляционные различия: в узбекском языке их доля составляет 30,7% (160 единиц), что существенно выше по сравнению с русским (20,7% или 70 единиц) и английским (14,3% или 50 единиц) языками. Эти данные отражают культурную специфику восприятия старости и уважительное отношение к пожилым в узбекской культуре, что требует более частого использования эвфемистических форм. Эвфемистические наименования возраста в

узбекском языке схожи с английским и русским дискурсом, однако присутствуют уникальные эвфемистические коды, репрезентирующие, во-первых, информацию о религии и, во-вторых, мировоззрение узбекского социума. В существующих словарях узбекского языка слово возраст трактуется как «общее количество прожитых лет с момента рождения» [2, с. 22]. Даже если лексикографические комментарии не отражают время, проведенное в утробе матери, с исламской точки зрения, в узбекском языке и культуре, оно прибавляется к общему возрасту человека. В этом отношении английская и узбекская лингвокультуры имеют дифференциальные характеристики. Стоит отметить, что в обществах, ориентированных на коллективизм, существует тенденция избегать всего, что может вызвать конфронтацию или создать напряжение в коллективе. Это приводит к возникновению большого количества эвфемизмов, связанных с социальными взаимодействиями и конфликтоизбегающим поведением. В индивидуалистических культурах (к которой относится англосаксонская), напротив, эвфемизмы номинативного поля старость менее распространёнными.

В речевой коммуникации узбекского народа не принято обращаться к пожилым людям по имени или отчеству. По отношению к ним используются метафорические формы обращения, которые привели к их функциональной трансформации, изначально применяемые к категории родственных связей, и в последующем эксплицирующие использование в отношении незнакомых людей: «**Ота**», «**Отахон**», «**Отажон**» (отец), «**Бобо**», «**Бобожон**» (дедушка), «**Она**» (мать), «**Онажон**» (мама), «**Онахон**» (мамочка)», «**Буви**», «**Бувижон**» (бабушка). Эвфемистические единицы данной сферы противоречат традиционному определению эвфемизма и не имеют в своем семантическом составе каких-либо стигматичных сем [2, с. 87].

Отдельно стоит выделить уникальные сопоставимые лингвистические знаки, кодирующие неуважение, и выраждающие почтение к старшим или высокоуважаемым членам общества – «**Опоқи**», «**Опоқдада**», «**Опоқбуви**» и «**Опоқая**» (буквально: «Старший отец», «Старший дедушка», «Старшая бабушка», «Старшая мама»), которые являются доминантами высшей степени уважения [3, с. 67]. Также можно выделить лексические единицы-обращения «**Тақсир**» многоуважаемый, почтенный (обращение к уважаемому лицу выше стоящему по чину), «**Биродар**» (обращение к человеку, близкому друг другу по деятельности, взглядам, мироощущению), «**Хўжака**» (обращение к мужчине, совершившему паломничество, представитель некогда привилегированного сословия в Средней Азии), и «**Оқсоқол**» (обращение к пожилым уважаемым людям, ветеранам войны и труда, буквально: белобородый старик) [7, с. 55]. Старость важна в узбекской языковой культуре, в частности, 60 лет – это достижение особого социального статуса. Из-за того, что пророк умер в 63 года, в узбекских традициях этот возраст считается почтенным и человек, достигший этого возраста дает **пайғамбар оши** (плов пророка), а человек, проживший 83 года и 4 месяца, ценится **как умр кўрган киши ҳам минг ойни кўрган табаррук инсон** (благословенный человек, увидевший тысячу месяцев). Необходимо отметить, что данные узбекские выражения, акцентируют статусное или духовное положение личности, не имеющих прямой репродукции в речевой коммуникации представителей русской и английской культур.

Современное российское общество в значительной степени ориентировано на ценности молодости и красоты. Это приводит к тому, что старение воспринимается негативно, а пожилые люди могут ощущать социальную изоляцию. В СМИ и повседневной речи употребляется более двадцати вариантов эвфемизмов для обозначения пожилых людей. Это свидетельствует о стремлении смягчить или избежать негативной коннотации, связанной со словом **старый**. К примеру, **пожилой человек, человек пожилого**

возраста, люди старшего поколения, люди в возрасте, женщина элегантного возраста [5, с. 91].

В русской культуре обсуждение возраста, особенно в отношении женщин, считается невежливым или неприличным. Вопрос сколько вам лет? может быть воспринят как нарушение личных границ «...носители русского языка особо чувствительно относятся к вопросам возраста, такое отношение граничит с табуированностью этой темы» [5, с. 94]. Термины **старшие люди, люди старшего поколения** отражают уважение к старшим и подчеркивают их статус в обществе. Эвфемизмы типа **серебряный возраст, женщина бальзаковского возраста** используют метафоры и культурные отсылки для смягчения темы. Большое количество эвфемизмов свидетельствует о творческом поиске наиболее подходящих и приемлемых формулировок, отражающих современное отношение к возрасту. Современное российское общество переживает изменение восприятия возраста из-за повышения качества и продолжительности жизни. Люди в возрасте 65 лет и старше часто продолжают активную трудовую деятельность и не воспринимаются как **старые** в традиционном смысле. Стремление найти наиболее приемлемые термины для обозначения возраста свидетельствует о дискомфорте с традиционными номинациями и желании избежать негативных ассоциаций.

Таким образом, отношение к возрасту в русской культуре характеризуется сложностью и многогранностью. С одной стороны, существует стремление уважать и ценить старшее поколение, с другой — присутствует страх перед старением и желание избежать ассоциаций с ним. Это приводит к активному использованию эвфемизмов и поиску новых форм выражения, отражающих современные социальные реалии и культурные ценности.

Отношение к старению в английской культуре в настоящее время омрачено распространенными негативными стереотипами и эйджизмом: пожилых людей считают некомпетентными, враждебными или обузой для общества, а пожилые люди подвергаются целому ряду разрушительных стереотипов. Негативные стереотипы распространены на рабочем месте, в здравоохранении и социальной помощи, а также в средствах массовой информации, при этом женщины и представители чернокожих и этнических меньшинств сталкиваются с «двойной опасностью» дискриминации. Пожилые работники считаются имеющими более низкий уровень производительности, меньшую способность к обучению и более дорогостоящими, чем молодые работники.

В здравоохранении и социальной помощи стереотипы еще более негативны, при этом отношение сосредоточено на смерти и физическом упадке, а старение рассматривается как процесс все более плохого здоровья. Средства массовой информации являются ключевым фактором негативного отношения, представляя старение как кризис или общественное бремя, при этом стареющее население описывается с использованием таких эвфемизмов-метафор, как **grey tsunami** (серое цунами), **demographic cliff** (демографический обрыв) и **demographic timebomb** (демографическая бомба замедленного действия). Часто пожилых людей изображают как **villains** «злодеев», несправедливо потребляющих слишком много ресурсов общества. Результирующее воздействие на благополучие пожилых людей и общественную эффективность подчеркивает срочность культурного сдвига. Следовательно, отношение к возрасту и старению существенно различается в узбекской, русской и английской культурах. В узбекской культуре традиционно высоко ценятся старшие поколения, проявляется глубокое уважение и почтение к пожилым людям, которые считаются носителями мудрости и опыта, что отражается в использовании уважительных обращений и почетных титулов. В русской культуре также существует уважительное отношение к пожилым,

однако оно сопровождается множеством эвфемизмов, стремящихся смягчить прямое упоминание старости и акцентировать внимание на опыте и мудрости, несмотря на присутствие негативных стереотипов в СМИ и рабочей среде. Английская культура, напротив, демонстрирует тенденцию к политкорректности и позитивизации старения через использование разнообразных эвфемизмов, подчеркивающих активность, жизнеспособность и опыт пожилых людей, однако сталкивается с распространенными негативными стереотипами и возрастизмом, особенно в медиа и на рабочем месте. Таким образом, узбекская культура наиболее традиционно и уважительно относится к старению, русская культура сочетает уважение с языковыми смягчениями и стереотипами, а английская культура стремится к инклюзивности и позитивному восприятию возраста, несмотря на существующие вызовы.

Интересные различия наблюдаются и в сфере употребления эвфемизмов с негативной коннотацией, связанной с избыточным весом. В английском языке доля таких эвфемизмов составляет 28,6% (100 единиц), в русском — 20,7% (70 единиц), тогда как в узбекском языке их значительно меньше — всего 4,8% (23 единицы). Это свидетельствует о культурных различиях в восприятии и обсуждении физических характеристик, отражая большую степень табуирования этой темы в англоязычной и русской культурах по сравнению с узбекской. Полнота в узбекской культуре традиционно символизирует благополучие, достаток и социальный статус и не стоит острой проблемой в обществе, что непосредственно отражается на речевом поведении узбеков. В большинстве случаев избыточный вес у женского пола отсутствует, это связано с тем, что после свадьбы на них налагается большая часть работы по хозяйству, присмотром за детьми, приготовлением пищи, что в подобном ритме трудно набрать лишний вес. Однако стоит отметить, что современные тенденции в узбекской культуре, особенно в городской среде и среди молодежи, начинают меняться под влиянием глобализации и западных стандартов красоты, где стройность ассоциируется со здоровьем и привлекательностью.

Лишний вес в русской культуре является деликатной темой. Прямое указание на полноту человека может быть воспринято как оскорбление или признак бесактности. С одной стороны, избыточный вес может быть предметом шуток или негативных оценок, с другой — существует определенная степень принятия и даже одобрения полноты, особенно в историческом и культурном контексте, где полнота ассоциировалась с благополучием и здоровьем. Широко распространено употребление слова **полный** вместо толстый. Оно считается более тактичным и нейтральным, одинаково применимо к мужчинам и женщинам.

Выражения типа **имеет большой размер одежды, обладательница больших размеров** переводят внимание с физического тела на размер одежды, что смягчает возможное негативное восприятие. Иноязычные выражения **plus size, плюс-сайз** также относятся к размеру одежды и пришли в русский язык из модной индустрии. Традиционно в русской культуре ценились женские формы и **пышность**, что отражено в литературе и искусстве. Однако современные западные стандарты стройности также оказывают влияние. Выражения **пышные девушки, дамы с пышными формами, аппетитная фигура** вызывают приятные ассоциации и акцентируют внимание на привлекательности и женственности. Словоформы **в теле, крупные люди, большие люди** нейтральны и могут интерпретироваться по-разному, что позволяет избежать прямого указания на избыточный вес [5, с. 84]

В целом, отношение к лишнему весу в русской культуре характеризуется стремлением к балансу между уважением индивидуальных особенностей и социальными нормами.

Эвфемистические выражения служат инструментом для поддержания этого баланса, позволяя говорить на деликатные темы без нарушения этических норм и обид.

В англоязычных культурах, особенно в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах, использование эвфемизмов, связанных с ожирением, служит лингвистическим инструментом для преодоления стигматизации и чувствительности, окружающих вес тела. В английском языке для обозначения ожирения и повышенной массы тела используется множество эвфемистических выражений без использования прямого термина *fat* (толстый). Термины **overweight** (избыточный вес) и **obese** (ожирение) часто используются в медицинских и официальных контекстах для описания массы тела без негативных коннотаций. Выражения **unhealthy weight** (нездоровый вес) и **excess weight** (избыточный вес) фокусируются на влиянии на здоровье, а не на внешнем виде, стремясь снизить стигматизацию. Эвфемизмы **plus-sized** и **plus-size** (большие размеры) в основном используются в индустрии моды, эти термины подчеркивают размер без намека на негатив [14, с. 15]. Термины **voluptuous** (пышная), **curvy** (изгилистая), и **curvaceous** (округлая) несут положительную или привлекательную коннотацию, особенно при описании женских тел. **Pleasantly plump** (приятно пухлая) и **rubenesque** (рубенесковская) подчеркивают полноту в льстивой манере, опираясь на художественные отсылки. Эвфемистические единицы **couch potato** (диванный картофель) и **tubby** (пухлый) носят юмористический оттенок, хотя в определенных контекстах их все же можно считать нечувствительными, а выражения **well-built** (хорошо сложенный) и **well-fleshed** (хорошо мясистый) подчеркивают физическую крепость, а не вес [15, с. 18-19]. Следовательно, английская культура демонстрирует сложное и часто противоречивое отношение к ожирению, характеризующееся сочетанием политической корректности, медикализации и устойчивых негативных стереотипов. Широкое использование эвфемизмов служит лингвистическим механизмом для преодоления стигмы и чувствительности, связанных с более высоким весом, отражая более широкие культурные ценности уважения, инклюзивности и желания избежать оскорблений. Однако распространенность негативных стереотипов в СМИ и профессиональной среде подчеркивает текущие проблемы в борьбе с эйджизмом и позором за тело. Культурный акцент на внешности и исторические основы норм образа тела еще больше усложняют ситуацию.

Таким образом, основываясь на анализе зафиксированного корпуса единиц, можно прийти к выводу, что эвфемизм представляет собой универсальное лингвокультурологическое средство, которое, во-первых, способно к смягчению или обходу табуированных тем, во-вторых, восходя к различным культурным кодам, он отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества. Эвфемистические единицы не только заменяют табуированные или нежелательные выражения, но и кодируют информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры. Дифференциальные лингвистические знаки служат индикаторами того, какие темы являются чувствительными и требуют смягчения, а какие — допустимыми для открытого обсуждения. Эвфемистические субSTITУты позволяют поддерживать коммуникативную этику и нормы вежливости, избегать конфликтов и сохранять социальную гармонию, демонстрируя способность языка адаптироваться к изменяющимся культурным и социальным условиям, предлагая новые формы и номинации для актуальных или чувствительных тем.

Результаты исследования выявили уникальные культурные особенности в формировании и использовании эвфемистических единиц. Количественный анализ показал, что в узбекском языке наибольший процент эвфемистических кодов относится к сфере смерти,

что значительно выше, чем в русском и английском языках. Основная причина заключается в том, что, узбекская культура характеризуется коллективным и ритуальным подходом к смерти, которая непосредственно отражается в речевой коммуникации, тогда как русская культура сочетает религиозные традиции с глубокими культурными размышлениями, а английская культура стремится к деликатности и индивидуальному восприятию смерти. Эвфемистические единицы, связанные со старостью, выявили дифференциальные показатели: узбекский язык демонстрирует более высокий показатель по сравнению с русским и английским языками, что связано с наиболее традиционным и уважительным отношением к старению, русская культура сочетает уважение с языковыми смягчениями и стереотипами, а английская культура стремится к инклюзивности и позитивному восприятию возраста, несмотря на существующие вызовы. Напротив, эвфемистические выражения, касающиеся негативной коннотации «толстый», более распространены в английском и русском языках, по сравнению с узбекским, это обусловлено тем, что узбекский народ наиболее традиционно и позитивно относится к полноте, русские сочетают уважение с растущей стигматизацией, а англичане стремятся к уважительному и инклюзивному подходу, несмотря на существующие предрассудки и дискrimинацию.

Библиография

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических термино. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2021.
2. Аширбаева Д. Корейс ва ўзбек дискурсида мурожаатлар. Тошкент: Donishmand ziyosi, 2024. 144 б.
3. Бегматов Э. Ўзбек исмлари изоҳи. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2016. 608 б.
4. Зиннатуллина Г.Ф. Культура повседневности: основные ценности мусульман // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «История и политология». 2015. № 2. С. 74-79.
5. Зверева М. И. Эвфемизмы в современной публицистике как индикаторы состояния языковой среды: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: дис. ... канд. филол. наук. Спб., 2023. 164 с.
6. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.
7. Мўминов С.М. Ўзбек мулоқот хулқининг ижтимоий-лисоний хусусиятлари. Фарғона: Classic, 2021. 224 б.
8. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
9. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977. С. 129-222.
10. Туракулова Д. Б., М. Х. Мамадаминов. Межнациональное согласие и веротерпимость – высшие ценности узбекского народа // Scientific progress. 2022. Т. 3, № 5. С. 198-203.
11. Gladkova A.N. and Larina T.V. Anna Wierzbicka, language, culture and communication. // Russian Journal of Linguistics. 2018. Vol. 22, № 4. Pp. 717-748.
12. Goddard C. and Wierzbicka A. Words and Meanings: Lexical Semantics Across Domains, Languages, and Cultures. Oxford: Oxford University Press, 2014a. 560 p.
13. Logvina S. A. Essence and properties of euphemism from the perspective of cognitive linguistics. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Vol. 7, № 4. Pp. 125-144.
14. Puhl R. M. What words should we use to talk about weight? A systematic review of quantitative and qualitative studies examining preferences for weight-related terminology //

- Obesity reviews. 2020. Vol. 21. № 6. Pp. 1-28.
15. Westbury S., Oyebode O., Van Rens T., Barber T. M. Obesity stigma: causes, consequences, and potential solutions // Current Obesity Reports. 2023. Vol. 12, № 1. Pp. 10-23.
16. Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006. 304 p.
17. Wierzbicka A. New perspectives on kinship: Overcoming the Eurocentrism and scientism of kinship studies through lexical universals // In Nancy Bonvillain (ed.), The Routledge handbook of linguistic anthropology. New York: Routledge, 2015. Pp. 62-79.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема данного исследования явно нетривиальна, автор обращает внимание на проблему функционально-семантической характеристики личных эвфемизмов узбекского языка сквозь призму русской и английской культур. В начале данного труда отмечено, что «изменение фокуса современной филологии на практические аспекты языкового общения приводит к пересмотру исследований эвфемизмов. Структурные, семантические и прагматические особенности эвфемизмов изучаются в новых контекстах, что позволяет разрабатывать более точную и практически применимую классификацию эвфемизмов. Разнообразие подходов к определению «евфемизма» свидетельствует о сложности этого понятия и отсутствии единой теоретической основы в лингвистике и смежных областях». Материал сформирован точно, объективность позиции открыта, взгляд исследователя конкретизирован. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, например, «цель эвфемизмов — смягчить выражение, сделать его более приемлемым и нейтральным, сохраняя при этом суть или смысл высказывания. Эвфемизмы традиционно рассматриваются как средство социальной и культурной адаптации языка, позволяющее говорить о сложных, деликатных или неприятных темах более корректно и вежливо [1, с. 527]. Данное определение эвфемизма демонстрирует функциональную эффективность субSTITUTIONного подхода, который позволяет систематизировать и анализировать языковые явления, связанные с заменой», или «СубSTITUTIONный подход предполагает, что смысл или содержание высказывания остаётся тем же, но подбирается такое выражение, которое вызывает меньше негативных ассоциаций и эмоционального дискомфорта у собеседника. В рамках субSTITUTIONного подхода эвфемизмы рассматриваются как способ адаптации речи к требованиям социальных норм и культурных стандартов. Это позволяет говорящему избегать нарушений этикета и сохранять вежливость, особенно при обсуждении деликатных или табуированных тем (например, смерть, болезни, сексуальные вопросы и т.д.)» и т.д. Примеры, которые введены как иллюстративный фон достаточны: «Например, нобуд бўлмоқ вместо ўлмоқ является примером эвфемистического выражения, где вторичная номинация скрывает физиологический аспект. В основе каждого эвфемизма сохраняется первичный концепт или основное значение, которое остаётся неизменным. Эвфемизм лишь облекает это значение в другую форму, делая его более мягким, косвенным или культурно приемлемым. Например, в выражении вафот этмоқ сохраняется концепт смерти, но сам термин заменяется на менее резкое и более уважительное обозначение. Такой подход позволяет рассмотреть эвфемизмы как динамические языковые явления, которые адаптируются к культурным и социальным изменениям, оставаясь при этом связанными с изначальной сущностью обозначаемого». Считаю, что аналитика работы как такова

имеет место быть, фактический анализ языковых формул дается верно. В работе конкретизирована типология эвфемизмов указанных групп, обозначено, что «в результате анализа корпуса эвфемистических наименований личной области, полученного путем сплошной выборки, были выделены следующие три функционально-семантических групп личных эвфемизмов (см. диаграмма 1.): 1) сфера смерти; 2) эвфемистическая группа номинаций толстый; 3) эвфемистические единицы, заменяющие негативные коннотации старость...», «Сравнительный анализ выявил, что в узбекском языке наибольший процент эвфемизмов относится к сфере смерти, составляя 64,5% (300 эвфемистических единиц), что значительно превышает показатели в русском языке (58,6% или 198 единиц) и английском языке (57,1% или 200 лингвистических знаков). Это свидетельствует о более выраженном стремлении узбекской культуры смягчать упоминания о смерти по сравнению с русскими и англоязычными представителями». Считаю, что статистические данные относительно выверены, базовая / магистральная проблема решена. Цитации по ходу работы включены верно: «также можно выделить лексические единицы- обращения «Тақсир» многоуважаемый, почтенный (обращение к уважаемому лицу выше стоящему по чину), «Биродар» (обращение к человеку, близкому друг другу по деятельности, взглядам, мироощущению), «Хўжака» (обращение к мужчине, совершившему паломничество, представитель некогда привилегированного сословия в Средней Азии), и «Оқсоқол» (обращение к пожилым уважаемым людям, ветеранам войны и труда, буквально: белобородый старик) [5, с. 55]». Материал имеет практическую направленность, принципы рассмотрения вопроса актуальны. Выводы по тексту не противоречат основной части: «Основываясь на анализе зафиксированного корпуса единиц, можно прийти к выводу, что эвфемизм представляет собой универсальное лингвокультурологическое средство, которое, во-первых, способно к смягчению или обходу табуированных тем, во-вторых, восходя к различным культурным кодам, эвфемизм отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества. Он не только заменяет табуированные или нежелательные выражения, но и кодирует информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры». Фактические требования издания учтены, задачи как таковые решены, цель труда достигнута; однако, список источников необходимо унифицировать. После внесения незначительной правки статья «Функционально-семантическая характеристика личных эвфемизмов узбекского языка сквозь призму русской и английской культур» может быть рекомендована к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД "Nota Bene".

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования, представленной на рассмотрение статьи, – функционально-семантическая характеристика личных эвфемизмов. Автор рассматривает эвфемизмы узбекского языка сквозь призму русской и английской культур.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов лингвистического анализа, обобщения, синтеза.

Актуальность исследования обусловлена важностью для современного общества выявления разнообразных феноменов языка и культуры: изучение структурных, семантических и прагматических особенностей эвфемизмов в новых контекстах позволяют актуализировать картину мира того или иного народа. Полученные результаты позволяют лучше понимать представление о мире у носителей различных

языков, что положительно влияет на межкультурную и межличностную коммуникацию. Характеристика личных эвфемизмов одного языка сквозь призму иных культур дает возможность выявить особенности восприятия окружающей действительности разными народами, исследование может стать основой для реализации подобных сравнительных анализов на примере других культур.

Научная новизна заключается в том, что автор анализирует и сопоставляет личные эвфемизмы узбекского языка с аналогичными явлениями в русской и английской культурах, что даёт возможность выявить как общие черты, так и уникальные особенности, связанные с культурными и социальными нормами каждой из изучаемых культур. Кроме того, иллюстративные примеры эвфемистических единиц на узбекском языке подтверждают глубокую связь между языком и культурой.

Стиль изложения научный, структура, содержание.

Статья написана русским литературным языком. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, структура рукописи включает следующие разделы (в виде отдельных пунктов не выделены, не озаглавлены): введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы); основная часть (в этом разделе дается теоретическая основа исследования, приводятся статистические данные по частности эвфемизмов, относящихся к сфере смерти, эвфемистической группы номинаций толстый и эвфемистических единиц, заменяющие негативные коннотации старость, автор проводит сравнительный анализ полученных данных, таким образом теоретические измышления автора подкреплены фактическими данными, для наглядности приведены иллюстративные примеры); выводы (основываясь на результатах исследования автор делает выводы о том, эвфемизм представляет собой универсальное лингвокультурологическое средство, способное к смягчению или обходу табуированных тем, эвфемизм отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества, кодирует информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры); библиография (включает 12 источников отечественных и зарубежных авторов). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием картины мира различных народов. Проведенный анализ эмпирического материала и иллюстративные примеры дают актуальное представление о культурных особенностях узбекского народа сквозь призму русской и английской культур.

В целом исследование эвфемистических единиц важно для эффективной межкультурной коммуникации, поскольку эти знания позволяют поддерживать коммуникативную этику и нормы вежливости, избегать конфликтов и сохранять социальную гармонию. Кроме того, язык постоянно видоизменяется и адаптируется к актуальным культурным и социальным условиям, появляются новые формы и номинации, следовательно, исследования эвфемизмов в новых контекстах позволяют наблюдать изменения в картине мира конкретного народа.

Рекомендации автору:

1. Было бы хорошо указать источники эмпирического материала, а также обозначить объем проанализированного материала.
2. Поскольку не все читатели статьи владеют узбекским языком, приводимые примеры лучше снабдить переводом (например, в выражении вафот этмоқ сохраняется концепт смерти). Также стоит придерживаться единого оформления иллюстративных примеров (например, ёлғон дунё мушкулларидан қутулмоқ (покинул бренный мир), абадий фароғатга эришмоқ (ушел в вечное наслаждение)).
3. Автор приводит иллюстративные примеры на узбекском языке, для лучшей

демонстрации культурных различий было бы интересно также увидеть примеры на русском и английском языках.

4. В библиографии уместно увеличить долю работ за последние 3 года.

В целом рукопись соответствует основным требованиям, предъявляемым к научным статьям. Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования» (рубрика «Лингвистика»).

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья посвящена личным эвфемизмам узбекского языка. Предмет исследования актуален в силу социальной значимости данного языкового явления: «эвфемизмы традиционно рассматриваются как средство социальной и культурной адаптации языка, позволяющее говорить о сложных, деликатных или неприятных темах более корректно и вежливо». Отмечается, что «изменение фокуса современной филологии на практические аспекты языкового общения приводит к пересмотру исследований эвфемизмов: структурные, семантические и прагматические особенности эвфемизмов изучаются в новых контекстах, что позволяет разрабатывать более точную и практически применимую классификацию эвфемизмов».

Теоретической основой исследования явились работы таких российских и зарубежных ученых, как А. Вежбицкая, В. Н. Телия, Т. В. Ларина, А. Н. Гладкова, О. К. Ирисханова, Л. В. Порохницкая, Г.Ф. Зиннютуллина, М. И. Зверева, К. Годдард и др. Автор(ы) подчеркивают, что «методология исследования, опирающаяся на работы Анны Вежбицкой, указывает на глубокую связь между языком и культурой, а также на значимость культурной семантики в анализе эвфемистических единиц». Цель исследования состояла в сопоставлении личных эвфемизмов узбекского языка с аналогичными явлениями в русской и английской лингвокультурах, что «даёт возможность выявить как общие черты, так и уникальные особенности, связанные с культурными и социальными нормами каждой из изучаемых культур». В рамках данного исследования эвфемизмы рассматриваются как «способ адаптации речи к требованиям социальных норм и культурных стандартов». Методы исследования определены поставленной целью, задачами и носят комплексный характер. В основе исследования обосновано лежит лингвокультурологический анализ, подразумевающий выявление, анализ и описание разноуровневых языковых единиц, соотнесённых с определённым этнокультурным пространством, причем эти единицы являются характерным признаком духовной и материальной реальности народа. В работе использовались описательный метод и такие его приемы, как наблюдение, обобщение и классификация отобранного материала; статистический метод, а также общенаучные методы анализа и синтеза.

В результате анализа корпуса эвфемистических наименований личной области, полученного путем сплошной выборки из разнообразных источников, включая современные толковые, специализированные и лингвострановедческие словари, а также аутентичные тексты художественной и публицистической литературы проанализировано 3000 примеров и выделено для исследования 1234 эвфемистические единицы. Статистические данные представлены в диаграммах «Количество выявленных эвфемистических номинаций в узбекском, русском и английском языках» и «Функционально семантическая классификация личных эвфемизмов и их

количественное соотношение в сопоставляемых языках», что является несомненным преимуществом научной работы, так как визуализация и авторская интерпретация данных позволяет сделать материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенной работы.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) выявить уникальные культурные особенности в формировании и использовании эвфемистических единиц в узбекском, русском и английском языках и прийти к выводу, что «эвфемизм представляет собой универсальное лингвокультурологическое средство, которое, во-первых, способно к смягчению или обходу табуированных тем, во-вторых, восходя к различным культурным кодам, он отражает культурные, социальные и эмоциональные установки общества. Эвфемистические единицы не только заменяют табуированные или нежелательные выражения, но и кодируют информацию о ценностях, нормах и правилах поведения, характерных для данной культуры».

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как лексикология, речевая коммуникация, функциональная и практическая стилистика, а также в изучение вопросов эвфемизации в разноструктурных языках.

Библиография исследования состоит из 17 источников, в том числе иностранных. В библиографическом списке присутствуют как фундаментальные труды, так и актуальные работы, что свидетельствует о глубине теоретической проработки изучаемого явления.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы; основной части, представляющей результаты исследования и завершающейся выводами автора(ов). Стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».